

Визит в Поднебесную

**Диана Федоровна
Виньковецкая**

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Эссе о стране, отделённой Великой стеной, на сорок веков замкнутой от внешнего мира, где исповедуют другие религии, где были другие исторические традиции и другое мировоззрение. Взгляд на происходящее с той стороны стены, где иная культура и другой образ мышления. Отличаются ли системы ценностей Запада и Востока?

- [Диана Виньковецкая](#)

Диана Виньковецкая

Визит в Поднебесную

В России — мы на закате феномена «советизма», а в Китае? Поклонение Мао — конкуренту нашего Ленина на мумию. В школах звёзды и пионерские галстуки.

Китай вызвал во мне чувство неожиданное и сильное. Два противоположных представления столкнулись тут, две цивилизации: одна — мощная современная индустриальная держава и другая — таинственная, древняя. Как они сосуществуют вместе?

Шагнув в китайскую реальность, я сразу ощутила другой запах и другие звуки. На поле аэродрома солдаты в боевой форме шеренгой замерли около брюха самолёта, и мы, спустившись с трапа, сразу попали в окружение. Пять или шесть встречающих автомобилей со штатскими людьми, держащими плакаты с фамилиями важных приехавших, стояли позади солдат, образуя второе кольцо. Пока я, разинув рот, смотрела на такую невиданную коммунистическую встречу, Лёня обнаружил свою фамилию на одном из плакатов, который держала женщина в фиолетовом костюме. Ну, думаю, сейчас и увезут! «Сталин и Мао слушают нас! Слушают... нас!» Я не могла не вспомнить революционный пафос этой песни. «Русский с китайцем братья навек!» К «старшему брату», как мы потом увидим, у «младшего» сохранились ещё тёплые дружеские чувства. Какие опасности несёт дружба? И какие соблазны?

Мадам Динг, представившись, сказала, что мой муж находится тут по приглашению министра. Слово «министр» она произнесла с придыханием. Сразу же мы почувствовали, что в Китае развито чинопочитание и ритуалы. Со времён Конфуция в Поднебесной империи ритуалы — как законы.

От новейшего, блистающего стеклами и зеркалами Пекинского аэропорта, который по красоте конструкций обогнал Бостонский «Логан», а Шереметьевский, главный московский аэропорт, оставил в прошлом тысячелетии, мы поехали к нашей гостинице. За «старшего брата» стало сразу обидно: какой он неприкаянный, обворованный, озлобленный. Видно, что «младший брат» пошёл другим путём.

Рейс «Москва — Пекин» мы летели «Аэрофлотом», и уже в самолёте заметили, как ненавидят сотрудники этой авиакомпании путешественников (мол, «челноки», «мешочники») подхамливают, я даже письмо командиру корабля написала, но не

передала, чтобы не исправлять то, что не могу. Не было у нас Конфуция, который две с половиной тысячи лет тому назад учил «младших братьев» нормам поведения.

Я смотрела на улицы Пекина: автомобили всех марок мчались, шурша шинами, бесчисленные велосипедисты беззвучно текли взад и вперёд по обеим сторонам дороги. На велосипедах спереди и сзади приспособлены корзины и целые фургоны для перевозок, в некоторых сидели дети, в других продукты, камни, — всё, что нужно для хозяйства. Одна дама в деловом европейском костюме везла в корзине портфель — «дипломат». Навстречу попадались здания самого разного вида: современные, летящие, стеклянные небоскрёбы, сверхмодные и простые дома — многоквартирные, кирпично-бетонные, с пыльными окнами, висящим бельём на балконах и верандах. Мелькнули крылья выступающей вперёд крыши — излюбленной формы древней китайской архитектуры типа «тин». А вот и гребень возвышенного дворца, скрытый за большой стеной.

— Это бывший дворец жены Мао, теперь он народный. При династии Минг это был дворец брата императора, — объяснила нам мадам Динг. Она была заместителем министра республики по иностранным связям.

Дворца не было видно, и я успела заметить только охраняющих ворота фантастических чудовищ и летящую крышу ворот с драконами. Около дворца приютились какие-то страшные лачуги, лавки, а потом опять пошли сверхсовременные стеклянные кубы и трапеции, перемешанные с жилыми домами, хибарами, магазинами. И везде иероглифы, иероглифы, иногда, правда, мелькали и английские расшифровки загадочных «характеров». Мадам Динг рассказала, что за последние пять лет снесено очень много развалюх, и на их месте построили новые дома, восстановили древние памятники, разрушенные во время «культурной революции». Размах строительства столицы Поднебесной империи нельзя не заметить и, опять же, как не вспомнить про «старшего брата», особенно когда едешь по китайским деревням, где ещё грандиознее масштабы разворота. «Фермеры у нас очень богатые», — резюмировала мадам Динг, когда я ей сообщила о поразившем нас строительстве фермерских домов — ультрасовременных замков с китайскими национальными чертами, украшенных стеклянными крышами, витражами, беседками. А у «старшего брата» нет фермеров и в помине, а если кто и заведётся, то своими силами, своими родственниками и уничтожается.

— У нас на протяжении веков внедрялась в народное сознание конфуцианская концепция: принесения пользы

общности. Уважение к Конфуцию тысячелетиями жило в глубине национального сознания независимо от того, строит ли страна капитализм или социализм. И утопия построения «общества малого благоденствия» Конфуция стала символом построения социализма с китайской спецификой, — рассказывала нам наша хозяйка.

— Я вступаю в Китайскую коммунистическую партию! — пошутила я, когда мы подъехали к нашему отелю.

— Welcome! — И красивый молодой человек открыл нам двери. Мы приехали в отель, название которого мне никогда не произнести и не запомнить. Нас сразу предупредили, что если мы собираемся отправляться куда-нибудь за пределы окрестностей отеля, то можем попросить сотрудников отеля написать по-китайски на отдельном квиточке адреса наших намерений и эту надпись показывать водителю такси, чтобы нас доставили по месту наших желаний, а чтобы обратно вернуться и не потеряться, мы всегда должны хранить при себе китайское название отеля. И я до сих пор его храню. Отель назывался: Jianguo, и он был уютный и милый, с внутренней речкой, по которой плавали утки. Цвели тропические магнолии, в холле происходила чайная церемония. В номере мебель из красного и чёрного китайского дерева, бронзовые старинные вазы. И всё это стоит не дороже, чем номер в гостинице в аэропорту Шереметьево (ночь мы провели там по дороге из Нью-Йорка) — довольно убогое помещение без отопления. Правда, хозяйка нашего этажа предложила нам обогревательный прибор и одеяла, и не было никакой возможности перекусить во всей окрестности гостиницы, и та же хозяйка согрела нас кипятком. Хорошо, что мы сохранили часть самолётного пайка.

В китайском отеле с мудрёным названием было несколько ресторанов, но самым удивительным было чаепитие прямо в холле, под панорамой величественных поднебесных гор, таинственных и необыкновенных. Я восхитилась этими горами, сказав, что была в России геологом.

Это горы Тайшань, у подножья которых находится родина Конфуция, их называют «пятью великими горами Китая». Чай разносили красавицы в ярких шёлковых нарядах с разрезами с двух сторон — национальное китайское платье.

— Вы первый раз в Китае? — спросила мадам Динг.

— Да.

— Как вы узнали об этом оригинальном отеле? — Нам посоветовал наш travel agent.

— А что бы вы хотели посмотреть?

— Все китайские чудеса, стену, императорские дворцы, и мне

бы хотелось узнать что-нибудь о воспитании молодёжи, детей.

— Вы знаете, что в Китае сейчас можно иметь только одного ребёнка. В моё время можно было иметь двоих, и у меня двое детей: мальчик и девочка. Мальчик учится на инженера, а девочка на врача.

— Они знают английский?

— Да, они изучали его в школе.

— Тут в школах изучают английский язык?

— Только в одной школе в Пекине, в гимназии, преподают английский язык.

— Неужели только одна? Мне казалось, что больше, — удивилась я, но ничего не сказала, о том, как много у нас в Бостонском университете китайских студентов. Может, они из Гон Конга? А может, в гимназии учится несколько тысяч? Меня несколько смутил «один ребёнок», — как общественное вступает в конфликт с личным. Конфликт тебя и общества. Конфликт личности и традиции (традиционно сын — наследник). С личной стороны требуется — перестройка сознания — к одному, к себе, к единственному, а не растворение в бесчисленном...

Мадам Динг составила план для наших двух пекинских дней:

— Завтра — воскресенье, вы поедете на Великую Китайскую стену, и моя дочь будет вас сопровождать: у неё свободный день. Она хотела заново посмотреть стену, подышать свежим горным воздухом и с радостью приняла предложение поехать вместе с вами. Дочь хорошо знает английский и лучше меня расскажет вам о детях, молодёжи и образовании в Китае.

Утром мы встретились с дочерью мадам Динг. Войдя в холл—гостиную, где находилось множество людей, сидящих за столиками, деловых европейцев и китайцев, мы сразу догадались, что миловидная, застенчивая девушка с книгой и есть дочка мадам Динг. Тут же подросла мадам Динг и представила нас. Девушку звали Янь Ли. Она училась в Медицинском институте на втором курсе, жила в общежитии института с четырьмя «фруммейтами» и подрабатывала в библиотеке.

Мы поинтересовались, платное ли образование в Китае? Янь Ли сказала, что раньше образование было бесплатное, а сейчас платное, и её родители платят 800 юаней в год за обучение. Некоторые способные студенты из деревни получают стипендию и учатся бесплатно.

Мне не терпелось узнать о тайнах китайской медицины, об иглоукалывании, травах и я спросила:

— Вы изучаете и древнюю китайскую медицину тоже?

— Есть небольшой курс по древней фармакологии, но наши главные профессора сосредоточили своё внимание на

современной медицине и не верят «панацеям» и спекуляциям вокруг древней китайской медицины.

— Это вопреки моим представлениям.

В Америке и в России, наоборот, ищут таинственность и загадочность в китайских способах лечения. Но на мои попытки разузнать у девушки что-нибудь «панацейное» про древнюю китайскую медицину я не получила никакого другого ответа. Только когда мы были в Син-Сяне и проехали городок, где происходят международные съезды знахарей, лечащих травами, нам сказали, что древнее лечение распространено и оно хранит свои тайны.

Пусть тайна останется. Всегда лучше знать, что в мире есть тайны и что мир бесконечный и непостижимый. У нас — мифы про Китай, а здесь свои мифы про европейцев. В Китае долго существовал миф о превосходстве европейцев, проистекающем из знания математики. Кто её знает, тот обладает тайной. Один восточный император захватил в плен английского моряка, знающего математику, чтобы тот обучал его этому искусству. Овладев геометрией и алгеброй, император долго жил и не потерял власти. Первый математический император. (Мой приятель, овладел искусством математики и, применяя его на бирже, захотел стать «китайским императором».)

С Янь Ли поехали смотреть китайскую стену. Машины останавливались далеко. Чтобы достичь стены, нужно было пройти несколько километров. Мы оказались в толпе около палаток и ларьков.

У толпы не было ни грациозности, ни красоты, как у персонала отеля. Не было и восточного спокойствия: все куда-то торопились, толкались. Из всех палаток раздавались призывы покупать товары. Продавцы кричали и жестикулировали, некоторые пихали вещи вам прямо в руки — открытки, маски, вырезанные из овощей цветочки, коробочки, платочки... Лёне почти насильно вручили коробку и, чтобы побыстрее откупиться, он дал продавцу денег, не глядя, что там в коробке. Вместо сдачи продавец сунул ещё две. И только придя в отель, разглядели, что в коробках лежат изысканные тонкие китайские кисти для каллиграфии, замечательные подарки для друзей-художников, стоящие в сто раз дороже, чем мы за них заплатили. Идёт коммунистическое распределение богатств.

Под призывные крики продавцов мы прошли сквозь этот палаточный базар и пробрались к Великой стене.

Китайская стена была всегда — до человека, до бытия. Она тянулась от одного горизонта до другого, опоясывала всю землю и уходила в небеса по острым горам белесовато-чёрного цвета.

Горы с бескрайней линией горизонта, — там всё не подвластно сознанию.

У китайских гор особый внешний облик: они резкие, отвесные, крутые, внезапные и протыкают пиками небо. Как говорит молва, среди экзотических нагромождений скал, там, в облаках, и есть таинственная Поднебесная империя, где живут небожители, у которых есть необыкновенная небесная столица, окружённая тишиной. Туда вы можете подняться по небесной лестнице.

Там хранятся небесные драгоценности: редчайшие явления природы. Там можно увидеть «свет Будды», когда лучи солнца отражаются в вате облаков и облака начинают светиться изнутри собственным светом. Там, в прозрачных облаках, можно разглядеть висящие кристаллики льда. Там, в небесном ущелье, искрятся каскады чисто-кристальной воды, падающий «алтарь дождя», дворец из нефрита. Там сосны напоминают драконов, тигров, фениксов. Там из-за непроницаемой завесы появляется день, и туда, в горы, стремились китайские императоры для самосозерцания, для занятий алхимией, для приношения жертв духу гор. В горах они оставили много храмов, дворцов, каменных стел. Там селились отшельники, буддийские монахи, поэты.

Я внезапно возвратилась на несколько столетий назад, перенеслась в иное измерение, в реальность иного порядка. Мне не казалось, что это было со мной когда-то, я не возвращалась в страну своей юности. Пять тысяч лет меня тут никто не ждал. Всё показалось мне чужим, не чем-то совершенно естественным, само собой разумеющимся, как в старинных европейских городах и замках, как даже в казахстанской степи... Наверно, мир моих предков не происходил из Китая, видимо, они были отделены этой непроходимой стеной. В памяти «генов» ни одного воспоминания и никакого «чувства узнавания».

Толпа на китайской стене намного проще, чем американско-европейская. Иное мировоззрение наложило отпечаток на поведение, они ближе к русским по выражению своих страстей и эмоций. Они подвластны эмоциям и руководствуются больше инстинктами. И хотя толпа — с эффектом ликования, но всё равно более спокойная, чем московская. Может быть, менее понятная?

Знакомство с древней китайской культурой меня в буквальном смысле подавило. На каждом шагу я убеждалась, что я европеец, что между мною и этими людьми — дистанция, отчуждение. Мне трудно объяснить, но часто приходилось убеждаться в своей чуждости древнему китайскому миру.

На второй день пребывания в Пекине мы посетили

императорский «Запретный город». Поехали на такси с шофёром, который говорил по-английски. Он оставил нас около входных ворот, и сказал, что через два часа будет нас ждать на противоположной стороне у Западных ворот.

«Запретный» дворец — это ряд симметрично расположенных прямоугольных павильонов в стиле «тин», — с загнутыми крышами и выступающими вперёд краями, окружённых каменной стеною. Между павильонами большие расстояния, вымощенные гладкими тёмно-серыми камнями. Как только приближаешься к входным воротам и проходишь под их сводом, то сразу чувствуешь, что ты вступаешь на жёсткую поверхность. «Ты в империи, друг!» Тут нет никаких сентиментальностей: всё охраняется пятикрылыми драконами.

Архитектура угрожающая, холодная и величественная. Все формы застыли в китайской неподвижности. Высокие прямоугольные башни воздвигнуты на прямоугольных платформах, образующих уступы. Целый мир фантастических животных — грозных львов, страшных собак, чудовищных черепах, хищных птиц сидит по краям и гребням крыш, у подножья колонн, на консолях при входных дверях. В облике одного зверя часто изображаются сочетание разных пород животных, и этот зверь выглядит мистическим со своей застывшей устрашающей гримасой. Я потом купила целое стадо таких зверей-сувениров из нефрита, сердолика, среди них попался смеющийся дракон из молочно-белого агата с такой же загадочной улыбкой, как у Моны Лизы. Китайская Мона Лиза.

Крыши, подобно чешуе, одеты в глазурованные черепицы или лакированные деревянные пластинки голубого, зелёного, красного цветов, на которых играют лучи солнца. Стены помещений покрыты яркими красками, часто фиолетового цвета, символа Полярной звезды, поражающими свежестью, сохранившейся в веках. Внутреннее убранство дворцов простое: черные доски с надписями, сделанные золотом, низкие столы с расставленными на них старинными бронзовыми и фарфоровыми вазами, статуэтками, вырезанными из слоновой кости, сосудами из нефрита, висящими фонарями, шелковыми расписными ширмами, лакированными ажурными бамбуковыми решётками. Множество затейливых орнаментов украшает потолки. В Поднебесной империи — культура неба.

Насмотревшись, мы направляемся к тем воротам, где должен нас ждать таксёр. Приходим, Западные ворота, стоянки для машин, а шофёра нет, никто нас не ждёт, и мы в растерянности. Может, не эти ворота? Через улицу видны другие ворота, тоже заданные, с сидящими на крыше птицами, зверями, змеями,

драконами подходим к ним, заглядываем внутрь, может, нужно пройти через эти ворота? Проходим под воротами, оказываемся в саду с хризантемами и розами, и вдали опять растопыренные ворота со всем караулом нечести. Может, около них? Надышавшись ароматом роскошных цветов, подходим к воротам, за ними — гора с причудливыми соснами. И на горе выглядывают морды животных, сидящих ещё на одних воротах, но машине туда не пробраться. Возвращаемся к самым первым воротам, из всех кажущимися более подходящими для предполагаемой встречи. Стоим под драконами и химерами, рядом с львами и собаками и не видим нашей машины. Что же делать? Мы перепутали все ворота, ходим рядом с чудовищами, а где-то ждёт... человек. Проходит около получаса, и вдруг слышим резкие звуки бибиканья — это наш англо-говорящий шофёр! Оказывается, он ездил перекусить к друзьям, решив, что нам так быстро не обойти императорский город. Шофёр посвятил нас в некоторые тайны пекинского рынка, где нужно что покупать, где шёлк, где меха и всякая утварь. Его предложениями воспользуемся на обратной дороге, а сейчас взглянем на храмы Земли и Неба.

Храм Неба — это скорее алтарь, а не храм. Три террасы круглой формы, окружённые мраморными балюстрадами, лежат одна на другой и служат основанием для каменного жертвенника, на котором богдыхан трижды в год торжественно совершал жертвоприношения своему прародителю.

Я почувствовала неприятное ощущение, глядя на печку с памятником сожжённому телёнку. Со всех четырёх сторон раздавались звуки криков людей, испытывающих эхо таинственных стен храма, звук носился по кругу, отдавался в ушах и почти ощущалось, что сейчас кого-то терзают и задабривают Небо. Кажется, что вот-вот и тебя принесут в жертву.

Я назвала древнюю китайскую архитектуру императорских дворцов «угрожающей», будто вас хотят напугать, призвать к дисциплине, к подчинению высшим силам. На картинках казалось, что «задранные крыши» — это своеобразные восточные украшения, «финтифлюшки», «края поднятой палатки», а сейчас я думаю, что это — грозные атрибуты, чтобы устрашать врагов, варваров, такие, как у тевтонских рыцарей рога на шлемах. Если роскошь западных дворцов повергает в онемение, то величие китайских — в страх.

* * *

В город Син-Сян, в провинцию Шень-Си в середине Китая —

там находится Институт физики, — мы поехали поездом (самолёты туда не летали). Вокзал — грандиозное современное сооружение, чисто, хотя запах чего-то земного, человеческого присутствует. Мадам Динг привезла для наших вещей маленькую колясочку — железные прутья на колёсиках.

— Водятся ли носильщики в коммунистической обстановке? — спросила я

— Есть, но для носильщика нужно купить отдельный билет, вернее, заплатить за ношение в специальную кассу. Чаевых в Китае не берут, это не наш обычай, — заметила мадам Динг. Купили билет на носильщика, на прохождение мадам Динг на платформу и пошли в зал ожидания. Купленные для нас министром билеты были в плацкартном вагоне, и нам это не понравилось, мадам Динг сказала, что в первом классе билетов уже не было, но она попытается на месте поместить нас в мягкий вагон.

Для спуска вещей была отдельная «лестница», выложенная чёрным мрамором, идущая рядом с человеческой, поразила её узость и крутизна. Носильщик, чтоб чемоданы не грохнулись, должен был растопыривать руки и повиснуть на вещах всем своим весом. Наверно, этот роскошный ход помогали проектировать «старшие братья», достигшие совершенства в раскраске отдельной спицы колеса, но оставляя без внимания строительство дорог.

Хотя у нас были «жесткие билеты», но шли мы по «мягкому коридору» для важных особ. Наш носильщик несколько раз должен был показывать билет, и мадам Динг тоже. Мы прошли две или три заставы, где группы из шести, семи человек в форме проверяли все документы и билеты. Эти серьёзные группы, которым делать было, прямо скажем, нечего, клубились у каждого прохода. У последней заставы, кажется пятой, вещи пропустили через осветитель и опять всех проверили. Дисциплина.

Купе было на шестерых, наши два места были внизу, и мадам Динг пошла договариваться насчёт перемены мест, а мы присели на наши скамейки. Напротив нас сидела немолодая китайка, которая щёлкала семечки, и, как только мы вошли в купе, она застыла от удивления, разинула рот так, что семечки сами стали туда запрыгивать и выпрыгивать, казалось, без участия её рук. На её нижней губе повис большой шар из шелухи, но она ни рукой, ни ухом не вела, а сосредоточенно смотрела на нас. Она механически продолжала закидывать семечки в рот, переключившись от процесса наслаждения поедания семечек к более интересному зрелищу — созерцанию. Рядом с ней сидел молодой человек, сразу обратившийся к нам по-английски: кто мы, куда и зачем едем? Не меняя позы, поедальщица семечек

стала его перебивать, видимо, чтобы скорее у него выяснить, что же это за люди такие? Шар из шкурок семечек упал к ней на колени, но рот остался открытым.

Давно я не наблюдала такого пристального непосредственного внимания, только во времена моего детства: когда мы приезжали летом в деревню, то со всей округи сбегались дети и тоже разиня рты и, замерев, стояли вокруг нас, пока мы разгружали вещи. И вот в Китае я вновь испытала это ощущение — детское любопытство взглядов.

В Су Джоу одна девочка лет двенадцати ходила за нами часа два, разглядывала мою одежду, туфли, смотрела, что покупаем, что смотрим, пока не обошла, следуя по пятам, весь императорский парк. Я в конце концов дала ей денег в момент пока наш сопровождающий отлучился, девочка быстро подошла к ближайшей палатке, купила конфет, оторвавшись от наблюдения. Ну, думаю, забудет, но через какие-то минуты вижу, что она опять следит и следует за нами в трех, пяти метрах, с тем же пристальным любопытством и с тем же внутреннем восхищением. Она довела нас до машины, и я на прощание помахала ей рукой.

В вагоне под столиком стоял на подносе большой термос, разукрашенный дикими экзотическими цветами, с кипятком, напомнивший старинные братские отношения. Такие термосы, только маленькие, мы носили в школы.

Пронеслась начальница поезда в форме, на лице у неё была скрытая китайская надменная величавость, и никакого, даже отдалённого, внимания к нам не рассматривалось, кроме только одного, что ни о каком «мягком переселении» речи быть не может.

И только поезд тронулся и понеслись навстречу огоньки, моментально всё начало шевелиться, шебуршать, побрякивать, звенеть. Соседи принялись доставать припасы из сумок, мешков, распаковывать свои торбы, разливать кипяток. Точно, как в российских дальних поездах, будто все ждут сигнала ложкой по миске, чтобы приступить к еде. Оглянулась: как на столе уже стоят лепёшки, плоски с пельменями... По вагону понёсся завлекательный аромат чая. Прошёл человек с корзинкой разных закусок и воды. Проводник стал раздавать на ночь тёплые шерстяные одеяла и белые простыни, хорошо сложенные, добротные, не похожие на те скомканные, братские, бледно-серозелёные упаковки, которые мы получали в российских поездах. Надышавшись ароматами кушаний соседей, мы придумали пойти в вагон-ресторан, так как никаких припасов у нас не было, а поесть в ресторане отеля мы не успели, считая, что мы уезжаем утром в восемь, а оказалось, что накануне вечером в

восемь, ещё хорошо, что вернулись к этому времени в отель, где мадам Динг оставила нам об этом сообщение. Потом в Китае мы всегда проверяли: о каком времени идёт речь, утра или вечера?

Чем и как кормят в китайском вагоне-ресторане? Не сомневаясь, что сумеем заказать ужин, может, по картинкам, а может, кто и поймёт, отправились на ужин. Сели за столик, всё по-китайски, никаких картинок, никакой еды нигде не нарисовано. Подходит человек для заказа, припоминаем некоторые отрывки полу— китайского, вывезенного из блюд ресторанов чайна-тауна. Дим-Сум! Сум-Дим! Дам— плинг! Официант не понимает нас, а только улыбается и что-то бормочет. Зовёт одну тётку на подмогу, но она тоже не может расшифровать наших чайно-таунских блюд. Присутствующие за другими столиками, оторвавшись от своих разговоров, заказов, стали смотреть на нас и, как русские в деревне, хохотать, показывая в нашу сторону. Сообразили заказать «чиндал» — пиво. Стало уже легче. Я тоже принялась хохотать, потому что на клочке бумаги пытаюсь рисовать курицу, но у меня никак не получается, вырисовывается скорее петух, и я хочу покураекать. Официант по рисунку распознал моё желание отведать курятины, и, пока мы пили пиво, на столике появилась роскошная курица (или петух?) тушёная в рисовой обёртке. Лёня показал на кушанье соседей, евших пельмени, и их подали! Шкурка у пельменей была такая прозрачно-нежная, что непонятно, как сохранялась внутри сочная начинка с травами и пряностями? Это осталось тайной вагона-ресторана.

Еда в Китае удивительно как приготовлена и по тонкости вкуса, и по оформлению, и по разнообразию блюд. Искусство. Ничего подобно я не видела ни в американских китайских ресторанах, ни где-либо ещё. Фантастические павлины с красными головами, вырезанными из редиски, с перьями и хвостами из всех овощей и фруктов, всех цветов и оттенков, вишнёвых, апельсиновых, фиолетовых.

Дымчатая рыба, представленная на блюде, как букет чёрных цветов, запечённые лебеди, плавающие в озере с белыми лилиями из репчатого лука, цветы из моркови с листьями из зелёной травы, как весенние заливные луга... Крабы, уложенные звёздами из каких-то красных китайских шкурок. Имбирь. В сетке из тонких прутиков запеченный гусь. Кролики в чесночно-уксусном соусе. Ели ли вы пьяные финики и пьяных рыбок? Мы ели их на жемчужном озере в Хан-Жоу. Мясо хрустящее с соком ананаса... Грибы в масле из зелёных бобов. Голуби в соусе из трав. Котлеты из говядины, тончайшего вкуса, лепёшки из лапок... до бесконечности. Всё готовится на сильном огне, запекается в

печке и пылает во рту.

Ночью мы подъехали к нашей станции Син-Сяну, вышли на тёмные— притёмные железнодорожные пути — сплошная тьма, ничего и никого не видно. Поезд уехал. Стоим. Так и будем тут стоять посреди Китая в крошечной тьме? Хорошо, что наш сосед по купе, говорящий по-английски, тоже выходил на этой остановке и стоял вместе с нами. Вдруг из мрака появились две фигуры, это и были наши встречающие. Один из них был профессор Ли, который и пригласил Лёню, а другой аспирант Хуань. Они вывели нас на вокзал через какие-то кордоны к площади, на которой уже толпился народ и стояли машины, такси, рикши, все виды транспорта. Мы на институтской машине поехали через тёмные пустые улицы китайского города, где ничего и никого не было видно. Профессор Ли сказал, что днём тут тьма народа и проблем. Утром мы увидели одну из проблем: безумно много людей.

Машина подъехала к большим глухим железным воротам. Профессора стали кулаками в них колотить. Шум пошёл страшный, всё дрожало и дребезжало, но ворота не открывались. Передохнув, они принялись снова стучать, и на этот раз послышались ответные звуки, заскрипели засовы и загремели цепи. Ворота растворились и машина въехала во двор физического института. Охранник в военной форме с автоматом приветствовал машину. Тут же у ворот была институтская гостиница, в которую мы поднялись по красивой, серым мрамором отделанной, лестнице. В коридор выходили двери комнат. Идя по коридору и заметив около каждой двери комнат стоявшие не то пепельницы, не то ночные вазы, я неприятно подумала, уж не придётся ли пользоваться таким забытым видом удобств? Открыли дверь в номер, который состоял из двух больших комнат с высокими потолками и, к радости, с ванной и туалетом. Одна комната гостиная, а другая спальная. Всё было вполне удобно: в гостиной маленький столик с четырьмя красивыми закрытыми чашками для чая и диван, в другой комнате кровать с шёлковыми вставками. Весь потолок был в узорах. В Китае, как я уже говорила, вся красота обращена не к стенам, а потолкам, они с орнаментом, с украшениями.

Культура неба. А вот культура туалетов отличается от неба, они часто без узоров и украшения бумагой, и в этой «культуре» они нам близки.

Вся ванная комната утопала в воде, но для передвижения по её водному пространству стояли две пары специальных приспособлений: башмаки — лодки на громадных сплошных деревянных каблуках-подошвах. В них, как на ходулях, можно

было переступать через воду и двигаться. Вода лилась из душа, частично попадая в ванну, а частично пролетая мимо на пол, и хотя в полу были дырки для сбора этой лишней воды, но её падало много, а дырок было мало. Почему? Лёня разгадал тайну водяного переполнения: ванна была встроена позже. Зачем вешать штору? Дополнительное удобство—ванну сделали, тапки поставили, а остальное оставили как есть. Узнаём брата Васю!

Утром гонг разбудил нас — начиналась работа. Гонговый призыв напомнил мне казахстанскую Агадырскую экспедицию, там тоже под звуки выходили и входили на работу. Отбойная мелодия проигрывалась при каждом начале и при каждом окончании рабочего дня. Я выглянула в окно, затянутое плотной шёлковой шторой, выходявшее на те вчерашние железные ворота, и стала рассматривать, что на дворе. Около ворот стояла целая армия охранников. Входящие и въезжающие на велосипедах люди показывали им свои удостоверения. Несколько человек прошли без показа, видно, главные, им охранники отдавали честь, среди них был и наш вчерашний профессор Ли. Он пришёл за нами, взял наши паспорта, ну, думаю, заложники, и повёл нас на завтрак.

В институтской гостинице в подвале была столовая, там подавался завтрак, состоящий из разнообразной зелени, трав, рисового отвара, соевого молока, запечённых яиц, пельменей, кукурузного супа. Пришёл к завтраку и вчерашний встречающий — молодой аспирант Хуань, который все последующие дни нас сопровождал. Он жил недалеко в институтском общежитии ещё с одним человеком в комнате. Хуань хорошо говорил по-английски, был образованным молодым человеком, математиком, знал ученье Конфуция, Лао-Цзы и симпатизировал даосизму. Лёню приятно удивило, что Хуань прочёл все его статьи, задавал интересные вопросы, вникал в суть вещей. Он происходил из крестьян, его сестра, как он сказал, пошла работать, чтобы он смог учиться. Сейчас его поддерживал Главный учёный этого института, из личных денег которого Хуань получал стипендию.

После завтрака Лёня пошел встречаться с учёными института, а я с человеком по имени Ян, говорившим по-русски, зав отделом информации, на институтской машине поехала смотреть достопримечательности. Сев в машину, я, естественно, стала пристёгиваться, на что шофёр стал что-то быстро-быстро говорить. Что случилось? Я что-то неправильно делаю? Ян сказал, что шофер говорит, что он хорошо водит машину, что мне нечего бояться. Шофёр счёл себя оскорблённым моим желанием безопасности. Я ответила, что у меня такой ритуал. Не знаю, как Ян перевёл, но шофер почему-то засмеялся. Я осталась

привязанной и хорошо сделала, потому как машины по улицам этого города двигались наобум, почти без всяких правил, и движение в городе напоминало коловращение, хотя для порядка кое-где висели светофоры и на некоторых перекрёстках на круглых тумбах стояли регулировщики-милиционеры.

Мы ехали по пыльным улицам Син-Сяна. На каждом пятакче полный спектр контрастов: роскошные здания соседствовали с хибарами и кучами грязи, валялись обрезки овощей. В зеркальных окнах некоторых зданий торчали тряпки, прутья, сушилось бельё, а кое-где оконные проёмы были забиты досками. Дороги широкие, асфальтированные: три полосы в одну сторону, три в другую и для велосипедистов с двух сторон дорог отгороженные полосы. Лавки, чайханы, едят прямо на улицах.

Потом, когда выехали за город, поехали через поля риса, усадьбы, группы домов, посёлки. Через поля проходили бесконечные большие и маленькие оросительные каналы. Среди пашен попадались могилы: по-китайски хоронили среди полей. На месте глинобитных хижин, жилищ, вырытых в лёссах, возводятся новостройки. Не знаю есть ли какой-либо план, но новые дома — без безобразных деталей, хотя вокруг остаётся мусор, зола, сажа. Клубы, дворцы отдыха, парки.

Мы посмотрели гробницу, дворец принца. При каком государе это было? Всё равно никогда не запомнить всех китайских династий, кажется, при Минской. Южные дворцы отличались от северных роскошью благополучия, пространствами воды, искусственными скалами, арками мостов, беседками, садами и поразительными скульптурами. Скульптуры из вулканических туфов, из флюидальных лав, сделанные бог весть когда, абстрактные и такие современные, что я представить не могла такого глубокого понимания форм телесных движений и красоты природных рисунков камня за пятьсот лет до новой эры! Какой вдохновляющий смысл в этих абстрактных нагромождениях! «То, что придумал Бог и продолжать устал...» Пожалуй, подобное ощущение от скульптур я испытывала в Пермском музее, глядя на деревянную пермскую скульптуру, но она после-христианская. К сожалению, ни одна из фотографий не передаёт мощи этих скульптур: видно, скульптура должна быть в трёхмерном пространстве.

Ян рассказал мне легенду о наложнице императора Ханьской династии, которая интриговала и пыталась оттеснить законного наследника. Убийства. Казни. Расправы. «Трава без сердца» с тех пор растёт в этом месте», — сказал Ян и показал на траву из трёх маленьких нежных листочков, прикрепленных друг к другу без стебля. «Посмотри, у травы нет сердца!» Я засушила эти листочки

без стебля и сердца.

Ян сопровождал меня в поездках, он был политик, старался всегда приукрасить действительность. «Ничего не случилось, ничего не происходит!» — ответил он мне, на вопрос: что такое, когда по саду принца, крича, гнались люди с вилами. Как на старинных картинках про крестьянские восстания.

Ян повёл меня к раскопкам. Тут я нашла длинный деревянный гвоздь из корней какого-то дерева, похожий на змею, с обтекаемой головой и узкими глазками. Этот древний гвоздь, видно, потерялся в перестройке, и я взяла его на память. Старинные китайские постройки возводились без железных приспособлений, гвоздей, скобок. Найденный гвоздь по прочности не уступает железным, его острым концом можно проткнуть сердце, а гибким туловищем опутать здание.

Ян сказал, что должен зайти за дочкой в школу. Я выразила желание посмотреть школу и заметила, что Ян не хотел спонтанного, незапланированного захода, но я настояла. Вспомнилось, как у нас в России иностранцам не хотели показывать ничего незапланированного, неожиданного. Всё отбиралось для показа, и всегда визитёра замыкали на определённый взгляд и круг.

Мы зашли в школу, небольшое одноэтажное здание, несколько убогое, с маленькими комнатами. Стоят простые досочные столы — не парты, и в классе было человек десять. Это школа для маленьких детей, девочки и мальчики обучаются тут вместе. Все ребята были в пионерских красных галстуках, хотя и без формы. Они сияли здоровьем, приветливостью. На одной стороне доски были написаны арабские цифры, а с другой — иероглифы.

В школе дети должны запомнить наизусть триста основных иероглифов, и удерживать знания сложными упражнениями памяти. Как известно, китайский язык не пользуется никаким алфавитом, а каждое слово его изображается особым знаком

— иероглифом. Разница между разговорными наречиями в разных частях Китая велика, и иероглифы позволяют людям понимать друг друга. Существует громадное различие между письменным и разговорным языком. Письменный язык неизмеримо богаче разговорного. «Если не знаешь слов, то не сможешь знать людей», — так учил Конфуций.

Я спросила: «Какие первые иероглифы изучают в школе?»

— «Мама». «Я». «Родина».

Учительница попросила одну девочку нарисовать для меня иероглиф «мама», другую — «солнце» и «луну». Ни солнце, ни луна не были на себя похожи, как, мне казалось, должны бы.

«Солнце» оказалось квадратом с чёрточкой, а «Луна» напоминала лестницу. Ян сказал, что иероглифы совсем далеки от предметного подобия.

Как же изобразить иероглифами «свеже-выжатый сок»? Как создаётся иероглиф? У меня в сумочке лежало ресторанное меню, подаренное мне на память, где иероглифы соседствовали с английскими словами. Я попросила мне показать, что же делать со «свеже-выжатым соком»? Ребятам на помощь пришла учительница, слова которой мне Ян переводил. Она объяснила:

— Например, корова + молоко = свежий, и нарисовала знак коровы и знак молока, показывая, что вместе они составляют знак свежести. Потом Ян отдельно нарисовал знак рыбы и знак лампы, (рыбу ловят при лампе) и рыба + лампа = свежий тоже (это — наисвежайший?). Дерево + скрести = выжать.

— А если попадают новые слова, то кто придумывает иероглифы, «characters»?

— Поэты.

(В китайской культуре известно, что поэты создают новые концепции в языке, так сказал мне потом Лёня.)

— У нас тоже новые словосочетания придумывают поэты. Но из наших мало кто знает, что они должны это создавать.

Любовь к стихам широко развита в Китае. Умение писать стихи требовалось на экзаменах, им щеголяли на пирушках, стихами писались учебники и даже романы. И мой собеседник прочитал мне первые стихи из «Элегии царства Чу». Раньше, если девушка после свидания не получала утром стихов от поклонника, она считала себя оскорблённой. Сейчас так уже не общаются.

Дети собирались на обед, который был длительным — два с половиной часа, за всеми детьми приходят родители или родственники. Ян пояснил, что во многих учреждениях специально устанавливают длинный перерыв, чтобы в обед побыть с детьми. По мнению Яна, внимание к детям за последнее время увеличилось. За его дочкой, оказывается, пришла его племянница, поэтому девочка пошла домой, а Ян провёл меня по школе.

На одной стене небольшого холла висел портрет Мао, а на другой — портрет Конфуция. Жаль, что их не удаётся сфотографировать вместе.

Конфуций оказал мощное влияние на формирование национального характера и нравственных ценностей жителей Поднебесной империи. Независимо от того, что строит страна — капитализм или социализм, тут осуществляется процесс синтеза современного с традиционным. Китайский человек, проповедует

даосизм, буддизм, христианство или коммунизм, в общественной практике остаётся конфуцианцем, и это удивительно.

В течение многих веков книга «Лунь юй» (суждения, беседы) — записи мыслей Конфуция — заучивалась наизусть, каждый мало-мальски грамотный человек должен был знать текст вплоть до каждого иероглифа. Первая глава называется «Учиться и... всевременно упражняться.» «...Усиленно учиться, не ведая пресыщения, обучать других, не ведая усталости... В молчании помнить и хранить в сердце всё, что ты видишь и слышишь... Кто преуспевает в учёбе, тому обеспечена служебная карьера». В Поднебесной учатся, читают, есть вечерние школы, есть разные программы для обучения. Наследники Конфуция и в Америке среди первых учеников.

В школы до Конфуция принимали только детей аристократов. «В образовании не должно быть различия по происхождению». И Конфуций открыл первую частную школу, плата в которой была символическая: «три связки сушёного мяса».

Мы зашли в класс, где висела таблица в три километра императорских династий, запомнить которые нет никаких возможностей. Ян сказал, что в школах изучают историю страны, и опять сослался на Конфуция. Ещё Конфуций воспитывал в своей школе любовь к древности, к прошлому китайского народа. У нас тогда ещё по веткам лазили, и в Европе удивились, что на Востоке есть такая развитая страна, когда Китай для европейцев открыл Марко Поло.

Конфуций учил, что, помимо норм поведения, необходимо уметь наслаждаться стихами, песнями, любить музыку. В Китае популярна сейчас европейская музыка и, кажется, особенно Чайковский. (Несколько раз по телевизору мы попадали на музыку Чайковского и даже на русский фильм о нём со Смоктуновским.) Мы видели, как старшеклассники в одном из парков обрабатывали деревья каким-то раствором, чтобы в коре не заводились вредители. Наблюдали интересную картину: человек двести укладывали плитками пустое дно реки, чтобы очистить воду, а вода, как я пошутила, лежала рядом.

Конфуций призывал уважать природу, дающую человеку жизненную силу, углублять свои познания о природе при помощи стихов. В уикенды родители с детьми выезжают на природу, в горы, в парки. Со времён Конфуция запрещали разорять гнёзда, охотиться на птиц, когда они выводят птенцов. Трудно сравнить с нашим отношением детей и взрослых к природе. И что уж совсем непостижимо для нас — это отношение детей к родителям.

На протяжении десятков веков в народное сознание

внедрялась конфуцианская концепция «сяо» — «сыновней почтительности» и уважения к старшему по возрасту. Суровое осуждение Конфуцием практики доносов на родителей и родственников было впоследствии закреплено и развито китайским уголовным правом. Сын не имеет никаких моральных прав доносить на родителя. За такое доносительство община обязана наказать его, ибо он нарушил кодекс почитания родителей. Чем ближе родственные узы, тем суровее кара. «Всякий, кто донёс на деда, бабу, отца или мать подлежит давлению». Отношение к такому доносу как к тягчайшему моральному преступлению стало национальной чертой китайцев.

У нас, русских, нет почитания старости. Да и как почитать, когда поколение наших отцов предало нас. Они любили родину больше, чем своих детей. И дети платили им тем же. Мы оторвались от своих корней и всё больше отрываемся от естественного состояния, от прошлого, и оно в нас умирает. Неукоренённые, мы гонимся за новизной и не живём тем, что имеем, а живём ожиданиями новых ощущений.

При выходе из школы я опять увидела портрет Мао со стоящими около него цветами. Восхищение энтузиазмом не могло закрыть глаза на... «поклонение» Мао. Я колебалась, задавать вопрос или нет, но всё-таки спросила у Яна: «А почему, несмотря на то, что Мао сделал такие большие ошибки во время культурной революции, он остался таким почитаемым?» Ян ответил, что заслуги Мао перед партией и народом гораздо больше и важнее, чем его ошибки. И все разрушения древних памятников, критику Конфуция свалил на жену Мао и «банду четырёх». Несколько раз, когда речь заходила о «культурной революции», всё самое плохое переносилось только на жену Мао. Это похоже, как у нас: один Сталин во всём виноват. И каждый с себя снимает ответственность. Сталин в гробу и спросить не с кого.

— А есть в Китае школы-интернаты?

— У нас нельзя, чтобы дети до шестнадцати лет жили отдельно от родителей, — строго сказал Ян. Они должны жить в семье, как требует концепция «сяо». И опять я удивилась — Конфуций в «пионерском галстуке»?

У подрастающего поколения в Китае воспитываются национальные черты китайского характера: почтительность к родителям, уважение к старшим по возрасту, неприятие доносительства на сородичей, стремление к знаниям. А какие национальные черты воспитываются у детей «старшего брата»?

Институт тоже поразил Лёню контрастами. Блестящие стеклянные здания соседствуют с полу-развалившимися

строительными вагончиками. Лаборатории с современным оборудованием, лазерами, компьютерами — и со столами, покрытыми старыми одеялами.

Клумбы пушистых роз, райских цветов среди куч наваленного строительного мусора и опилок. Китай хочет построить мощный радар, и на его разработку тратятся громадные деньги, как и в России, — люди бедные, а страна могучая: спутники, ракеты, бомбы.

После шести дней пребывания в Син-Сяне мы поехали на юг сначала поездом, а потом на такси в Хан-Чжоу. Ехали вдоль Великого канала, соединяющего Пекин с Хан-Чжоу, идущий через половину территории Китая, с бесконечным караваном барж, почти утопающих в воде. Этот канал, как и Великая стена, был построен на заре цивилизации, прокопан через множество поперечных речек, течение в нём трижды меняется, и иногда он проходит выше окружающей местности по громадной земляной насыпи, укреплённой каменными стенами.

Вся дорога забита гружёными грузовиками, везут кирпичи, солому, коробки, цемент, соль, мусор. Дороги пыльные, и машины покрыты пылью, как крашенные, будто везде бетонные заводы, но это из-за лёсса, покрывающего долины. Почти нет закрытых американских грузовиков, с неизвестным, тут всё напоказ — открытые грузовые машины, выпускающие дым прямо в воздух. Жёлтая лёссовая пыль, смешанная с дымом машин, создаёт вокруг дороги воздушный ореол. Видели, как везли целый дом из хрюкающих поросят, сидящих друг на друге, лежащих и висящих в клетках. В многообразном проявлении обыденной жизни поросячья машина была впечатляющей. Жаль, что не успели сфотографировать поросят. Они с визгом промчались мимо. Дома вдоль дороги напоминали замки со стеклянными высокими крышами. Архитектура этих строений удивила сочетанием, синтезом современного стеклянного стиля с древними китайскими формами. Три-четыре этажа с балконами и беседками. Крыши стеклянные из разноцветного стекла. Лёня попытался их зарисовать. И опять удивились, как в Китае на каждом шагу соединение, синтез, контраст современного и древнего, нищего и величественного, откровенности и тайны.

Приехали к подковообразному отелю-небоскрёбу, сверкающему блеском стёкол, огнями и флагами всех стран. Наш номер оказался на двадцатом этаже, окна выходили прямо на восток, на холмы, на восход солнца. «На рассвете у края штор — капли белой росы». Рассвет несколько дней волновал меня. Мягкий свет появлялся откуда-то из-за округлости земли, сначала маленькой полосочкой как предупреждение, затем пронизывал

половину неба и, становясь светлее и светлее, свет замирал. Все предметы начинали светиться изнутри, всё делалось прозрачным, как воздушный жемчуг. Я застывала в окне и смотрела в сторону восходящего солнца. В следующее утро я ждала появления этого прозрачножемчужного воздуха, мне хотелось опять пережить это великолепие — момент перехода от тьмы к свету. Перед последним рассветом (мы уезжали в Шанхай), водитель такси несколько раз останавливал машину, чтобы мы полюбовались восходом, и, показывая на появление солнца, сам молча замирал. Чем заняты были его мысли? Тем, чему учил Конфуций и его последователи — восхищением природой и красотой?..

Этот водитель возил нас по окрестностям (такси в Китае очень дешево), мы с ним объяснялись знаками, и если же знаки не расшифровывались, то прибегали к телефону, и гостиничные сотрудники нам помогали.

В один из первых дней нашего пребывания в Хан-Чжоу мы поехали высоко в горы по серпантинной дороге через дремучий лес и посетили буддийский храм на одном из скалистых холмов. Дорога для машин закончилась, и к храму повела удобная тропа, выложенная большими каменными плитами.

Как посмотреть на буддизм с его влечением в Ничто, с подъемом над временем, пространством, индивидуальностью? Трудно так с налёту прочувствовать притягательность буддизма, тем более что внутри есть предвзятость, отталкивание от «летающих в астрал». Читала о буддизме у отца Александра Меня в его книге «У врат молчания» — «Величие Будды в том, что... он провозгласил *спасение* главной целью религии». Взглянем на спасение.

Дорога резко повернула, и мы подошли к отвесной, как стена, скале, будто с окнами, — то были карстовые пещеры, и в них селились буддийские монахи. Здесь они находили покой созерцания, погружаясь в перспективу воздушного простора мира и в глубины своей души — хотели приблизиться «к порогу священного Молчания», отрешиться от собственной природы и достигнуть в медитации состояния лёгкости и пустоты, освобождая себя от воображения. Небольшие пещеры — окна, как глазницы с видом на причудливые облака, озарённые солнцем, на живописное ущелье с деревьями и травами. Приятный и спокойный вид. Существуют ли страсти, возмущающие мир? Может, тут и есть спасение?

В этих пещерах сохранились фрески цветов, животных, показывающих прелесть мира. А по учению Будды — это есть тлен и бессмыслица, ведь он стремился развенчать преходящую жизнь, представить её как царство страданий, и «несомненно

многое бы сам Гаутама осудил бы, как чуждое его учению». Но так всегда. Подошли к храму, грозно возвышающемуся среди скал. Перед храмом светильники и очищающая митра. Посетителей немного, видно, слишком высоко.

Этот храм сферический, холодный, и хотя не всё привлекает в этом храме, но он достоин удивления. Четыре статуи Будды обращены к четырём сторонам света. Я представляла Будду с юным и кротким лицом, погружённым в глубокую тайную думу. Эти статуи были слишком страшными, Будды толстые, раскрашенные, не возвышенные... не погружённые. Народные.

Пока мы рассматривали статуи, вошли 16 монахов в чёрных робах, а один в красном балахоне, четверо из них были в шапочках, а остальные бритые, и двумя рядами встали посередине храма. Ровно в 12 раздался звук гонга, один из монахов ударил молотком по натянутому барабану и монахи запели... Люди, зажигавшие во дворе от общего огня свечи-палки, поставили их на буддийский алтарь и встали на колени. Молившиеся, которых было человек десять, раскачивались с горящими палками в руках. Они были с хорошими, одухотворёнными лицами. Толпа в буддийских храмах другая, чем на улицах. Один маленький мальчик усердно молился вместе с родителями. Монахи склоняли головы и пропевали гимны около каждой статуи Будды. Потом они подошли к золотому Будде и принесли звук в жертву.

Мы постояли как зрители, не проникая в священный характер этой церемонии, купили открытки и чётки из чёрных шестиугольных семян и вышли. И пока мы спускались до машины, долго ещё слышалось пение монахов, воздающих хвалу Будде.

Вместе с буддизмом пришли в Китай пагоды и ступы. Мы посетили пагоду на берегу реки Кван-танг, по легенде, поставленную в честь мальчика, спасшего провинцию от страшного дракона. Дракон выходил из реки и пожирал людей, а маленький мальчик его поборол. Эта многоугольная башня из шести этажей, выражающих висящие над землёю, один над другим, небеса, где находились бодхисатвы в ожидании своего появления в мире в виде Будд. Облицована пагода фарфором и фаянсом. По углам загнутых краёв крыш висели колокольчики, и при дуновении ветра они издавали звуки. Туристы поднимались наверх, но я осталась на земле, не решаясь карабкаться по узкой фарфоровой лестнице к буддийским высотам. Сфотографировались с бело-мраморным мальчиком, победившим дракона, и под звуки колокольчиков мы спустились к реке.

В конце рабочего дня был дождь, и вся улица сверху представляла движущуюся абстрактную картину с шевелящимися

красками. То были накидки велосипедистов, ехавших под струями дождя. Каждый велосипедист скрывался под цветной полиэтиленовой накидкой, и зелёные, жёлтые, алые, лиловые, синие пятна неслись по дорожкам. Ни лиц, ни колёс не рассматривалось, а только бесчисленные мелькания цветов.

Видели человека, идущего под дождём, покрытого вместе с ребёнком одной общей яркой фиолетовой накидкой, а чтобы детёнышу было видно происходящее, внизу накидки было вырезано отверстие для лица ребёнка. Движущаяся нежная скульптура «отец и сын».

В Хан-Чжоу мне хотелось посмотреть, как выращивается жемчуг, и купить для себя настоящее жемчужное ожерелье, — исполнить давнее желание. Жемчуг с детства для меня окружён ореолом красоты и загадочности. Жемчужные ожерелья, из морских глубин добытые, украшали короны, портреты красавиц, принцесс, королев. Ходили легенды о добыче жемчуга, о самых больших жемчужинах, одной из самых дорогих в 17 столетии была жемчужина персидского шаха, величиной с яйцо И вот мы на озере в предместьях Хан-Чжоу, где с незапамятных времён и до сего дня получают искусственный жемчуг, тайна производства которого долго хранилось в секрете.

Озеро неподвижное, вдали несколько небольших живописных островков. Там и находятся жемчужные сокровища? К этим островам подвозят стоящие на берегу многочисленные лодки-гондолы. Не успели мы захлопнуть двери такси и взглянуть на озеро, как сразу же к нам подскочил главный распорядитель гондольеров, говоривший по-английски, что мол, сейчас же нас повезут на острова (по китайским ценам за довольно большую плату). Уж если собрался покупать жемчуг, то плати. Мы сели в гондолу, в середине которой стоял столик с семечками, и борта лодки украшались искусственными цветами. Гондолой одной рукой управлял молодой мужчина, кивком головы показавший нам, что повезёт нас в сторону островов. Среди гондольеров мы видели и женщин, похожих на наших боевых рыбацек.

Проплыли мы мимо жемчужной «плантации», охраняемой военными с автоматами, чтобы не было соблазна поживиться хорошенькими жемчужинками. Клетки с раковинами помещаются на глубину 2–5 метров и легко доступны для вытаскивания. Моллюск, раздражённый присутствием постороннего тела, отлагает вокруг него перламутровое вещество, чтобы зажемчужить, закрыть источник раздражения. Хорошо бы, как моллюск, жемчугом закрывать своё раздражение! В раковину между створкой и мантией вкладывают шарики из перламутра, формочки из металла, изображение Будды и погружают раковины

в воду. Но вода в этом озере не простая, а минерализованная, и жемчужина пропитывается минеральными солями. Жемчужины могут свободно лежать или быть прикрепленными к раковине, и чем дольше живёт раковина, тем жемчужины в ней красивее и дороже. Нам показывали жемчуг разного возраста от года до двадцати лет, разного цвета жёлтого, зеленоватого, красноватого, бурого, серого, чёрного цвета и разнообразных форм: сферической, грушевидной, овальной. Игра цвета обуславливается интерференцией света вследствие волнистой поверхности перламутровых слоёв. Лучшие жемчужины не имеют собственного цвета — такими изысканными жемчужинами мы только любовались, купили же несколько ниток молодого белого и светло-фиолетового цвета. Нам продемонстрировали, что это не поддельный жемчуг — прочирикали полосочки на стекле, мол, следов краски не оставляет. В России я видела искусственный жемчуг, приготовленный из полых стеклянных шариков, внутреннюю поверхность которых покрывали блестящим слоем серебристого вещества чешуек рыб, ожерелье из такого жемчуга мне нравилось, хотя тоже мне не принадлежало. И вот, наконец-то, я приобрела жемчуг!

Пакет с купленным жемчугом мы поставили на дно гондолы под столик с семечками. Едем по озеру, воздух лёгкий, серебряный, любуемся на зеркальные небоскрёбы, вписанные в крутые, отвесные горы, на одного отважного, летающего над озером на воздушном шаре яркого жёлтого цвета.

Налюбовавшись, выходим из гондолы и, глядя на закат солнца, отражающийся в озере, «улетаем в астрал». Каким альпийским светом сверкают зеркала небоскрёбов! И тут я спохватилась: где же мои ожерелья? Лёня их не несёт... И у меня их нет! Они остались под столиком с семечками! Неприятное чувство подступило, жемчужные мечты опять останутся мечтами. Так нелепо.

Бежим обратно к пристани, где садились в лодку, может, найдём нашего сопровождающего? Прибегаем, человек пять гондольеров бросаются к нам с предложениями прокатить, может, ещё решили съездить. Объясняем жестами, грустью, что оставили в гондоле пакет, они быстро соображают, что нам нужно, и показывают на удаляющуюся лодку. «Наша» лодка с жемчужинами уплывает, вдали виднеется только её контур. Она поехала опять на остров? Один лодочник предлагает за несусветную сумму догнать лодку с нашим богатством. Стоим в раздумье. Решаем подождать нашего гондольера, ведь он вернётся обратно?! Сколько времени ждать? Где их распорядитель, говорящий по-английски!? Исчез вместе с

закатом. Гондольеры размахивают руками, жестикулируют, кивают головами, показывают на озеро, на закат, на лодки. Они нам что-то объясняют, но что? Один сложил руки и сделал убаюкивающие движения... Кто собирается спать? И тут Лёня догадывается, что наша лодка поплыла на покой и что она не вернётся к этому месту.

Темно в глазах от потерянного жемчуга... Ни заката, ни озера видеть не хочу. Чуть не плачу. Один из гондольеров показывает на отель на набережной, делает жест руками «три», несколько раз тычет пальцами вдаль озера, заката, делает движения в сторону стоящих машин. Бормочет: Такси! Такси! И тут Лёня понимает, что у него есть какое-то предложение, он может с нами поехать по суше наперерез лодке, к гавани или не знаем куда. Садимся втроём в такси и едем. Гондольер вовлекает таксёра в поиски, и тот вихрем гонит машину вдоль озера в погоню за утерянным жемчугом. Мелькают отели, рестораны... аллеи.

Вдруг машина сворачивает на тропинку и останавливается, не подъехав к озеру. Гондольер и шофер выскакивают из машины, куда-то бегут, непонятно куда? Мы тоже выходим из машины. Вокруг сплошное топкое болото с растущими ивами. Стоим. Китайский помощник бежит прямо по болотной грязи и громко кричит на всё озеро. Звук его крика разносится по воде... Выкрикиваются иероглифы. Шофёр тоже бежит вокруг и жестикулирует. На озере видно несколько лодок, плывущих неизвестно куда. Среди них, наверно, есть и «наша», с оставленным жемчугом. Но услышат ли она призывы, увидят ли искателей потерянного жемчуга? Обнаружил ли гондольер под столом с семечками мои драгоценности?

Лодки приближаются к берегу, наши помощники усиливают ор. Помогающий гондольер уже прямо в озере. И вдруг рассматривается, как одна лодка отрывается от общего лодочного потока, разворачивается и плывёт в сторону стоящего по колено в воде лодочника, который бежит ей навстречу и жестикулирует. Расстояние между лодкой и гондольером сближается, и через некоторое время можно было видеть, как белый мешок из лодки оказывается в руках спасителя моих жемчугов. Радость такая, будто я достала их с морского дна. Возвращаемся к стоянке гондол, благодарим таксёра и спасителя, который наотрез отказывается взять деньги. Поразительно, за сотни долларов они предлагали нас подвезти на лодке, а в благодарность денег брать не хотят. Видимо, то работа, а это просто человеческая услуга, и она так не оплачивается.

И теперь, когда надеваю это роскошное светло-фиолетовое ожерелье из жемчуга с Западного озера, к его естественной

теплоте примешивается тёплое воспоминание о возвращении этого жемчуга со дна лодки.

В один из последних дней в Хан-Чжоу мы поехали в горы Поднебесной в деревню, где готовят самый душистый чай в окрестности. Ехали по хорошей бетонной дороге вдоль чайных полей, разбитых на террасах — склонах. Чем дальше в горы уводила дорога, тем роскошнее открывались виды, тем экзотичней становилась растительность, северные сосны соседствовали с тропическими азалиями, магнолиям, лаврами.

Оказались в небольшой горной деревне. Наш шофёр бывалый — сразу подъехал к дому с оградой, сбитой из поперечных планок, увитой плющом, из-за которой выглядывала молодая бойкая красавица. Она моментально заговорила с шофёром и закокетничала. На ней было надето тёмно-лиловое китайское верхнее платье с прорезями, а поверх замасленный передник. Тут же она схватила нас, боясь, что мы уйдём к кому-нибудь другому, и сразу же повела к источнику-колодцу, точь в точь такому как у моей бабушки в Кирицах. Около колодца стояла чаша с водой и в ней плавали душистые цветы. Перед тем как приступить к чаю нужно было произвести омовение рук и лица особой «омолаживающей» водой. Хозяйка побрызгала этой священной водой себе на руки и лицо, предложив нам повторить её движения. Ополоснувшись, мы пошли за ней в застеклённую веранду, перегороженную плетёной ширмой, где, кроме стола и стульев, стояло множество кипарисовых коробочек с чаями и с семенами. Из коробочек хозяйка давала нам нюхать чай. Аромат цветущего лотоса. Аромат жасмина, померанца, роз. Шофёр выбирал, показывал, пересыпал. Аромат и крепость настоя чайные листья приобретают только после «замаривания» (чайные листья просушиваются и плотно складываются в корзины и лежат некоторое время) и «надушения» цветами.

Красавица насыпала по щепотке чая каждому в фарфоровые чашечки, из термоса налила в них кипяток и закрыла каждую крышечкой. Шофёр всё время о чём-то весело болтал с ней, а мы смотрели по сторонам. По деревне ходили куры и пробежала собака, на улицах городов не попадалось ни кошек, ни собак. Дома в деревне полу-новые, то есть отдельные части домов старые — хижины, крытые соломой и прутьями, а другие — новые, пристроенные, гладенькие, обработанные. Дом у нашей хозяйки тоже был «частичный», задняя скрытая часть дома покрыта зелёной плесенью, а веранда новенькая, украшенная узорчатыми карнизами. Идёт китайская перестройка. По легендам, в Китае ничего не может быть одинакового, равносильного смерти, даже ступеньки и те должны отличаться

по высоте и разнообразию. Когда чайники в наших чашечках встали почти вертикально и опустились, шофёр знаками показал, что чай готов, и отхлебнул. Лёня уважил хозяйку, выпив две чашки, хвалил и восхищался чаем, сказал, что этот чай хорошо пить для расслабления, и утоления печали... В ритуал входила и покупка этого чая. Хозяйка положила зелёные скрученные чайники в железную коробочку с золотым драконом. Эта коробочка навевала воспоминания о другом чае, который я пила в казахских юртах, из самовара, на угольках, со сливками. В воспоминаньях мой казахский чай не уступал китайскому.

Обратная дорога по шоссе «Шанхай — Хан-Чжоу» на восходе солнца была восхитительной, ехали быстро, останавливались, смотрели на матовый восход. Времени до отлёта самолёта было предостаточно. Вдруг посреди дороги около знака: «До Шанхая 60 км» стоит заграждение — застава: ехать дальше нельзя — объезд. Отдельные машины почему-то пропускались, нашей же показали на съезд. Поехали по просёлочной дороге, думая, что вот-вот опять вернёмся на шоссе, но дорога пошла кружить по грунтовым, незначительным дорогам. Спустился туман, да такой, что нельзя было видеть даже носа нашей машины. В белом молочном киселе двигались со скоростью пешехода. Такой плотности тумана я никогда не встречала, казалось, что он прямо-таки придавливал машину. Потом туман так же внезапно рассеялся, как и появился. Шофёр в ближайшем ларьке спросил дорогу, показали, поехали полями, просеками, деревнями. И совершенно неожиданно вдруг оказываемся на дороге с надписью: «120 км до Шанхая». Вот тебе на! Останемся на краю Поднебесной! Загрустили и прикинули, что в аэропорт Шанхая мы сможем поспеть, если сейчас же найдём потерянное шоссе и с бешеной скоростью понесёмся. Найдём? Успеем? Где аэропорт? Смотрим на небо: не появится ли какой-нибудь летающий объект? Самолётов и не видно, и не слышно. Никаких признаков города Шанхая: ни башен, ни небоскрёбностей. Только мелькающие поля, посёлки, перелески. До сих пор не можем приложить ума, как так оказалось? Приближались к Шанхаю, а очутились на сто километров дальше, чем начинался путь? Мистика китайских коммунистических дорог. Розовый туман. «Шаг вперёд — два назад».

Вбежали в аэропорт за полчаса до отлёта. Бегаем по холлу, но... всё — уже нельзя пройти к самолёту. С печальными ожиданиями подходим к кассе, и вдруг... слышим, и не верим: «Через час на следующем рейсе вы вылетаете в Пекин». Никаких доплат, никаких возмущений, нотаций, унижений. Звоним в Пекин, сотрудники ласково помогают набрать номер, комфортабельно вылетаем на следующем самолёте. И увозим

изумление нормальному, человеческому обращению, возможному и при коммунистах! Представьте, что ожидало бы нас на родных просторах российских аэропортов?!

Так-таки нас ожидало! Но я об этом расскажу в другом месте. Самолёт «Пекин — Москва» набирал высоту. Мы покидали Поднебесную империю (Тянь-Ся), где был император — сын Неба, и их земля лежала в центре Мира. Сейчас здесь коммунистический режим. А у «старшего брата» только что народившаяся демократия. «Москва-Пекин! Идут, идут вперёд народы». В ногу или кто-то кого-то обгоняет?

У меня давно уже нет доверчивой влюблённости в коммунистические идеи, нет и блаженного восхищения коммунистическим идеалом, но тут я растерялась. «Всё, как у людей». У всего есть предел, в том числе у правильности, у коммунизма, у демократии и у разума.

Так что же в психологии людей принадлежит коммунистическому идеалу, а что общечеловеческому?

В новеньком Пекинском аэропорту мы распознали по крикам: где находится наш родной «Аэрофлот». Метров за двести от сдачи багажа раздавались звуки русской речи и шум от борьбы за взятие подступов к транспортёру. Каким-то образом Лёне удалось проникнуть к принимальщикам багажа, меня же затолкали так, что я не могла приблизиться. И только слышу, что Лёню стали штрафовать за лишний вес: за маленький купленный в Китае для подарков чемоданчик. Мы хотели взять его в кабину, но Лёня совсем об этом забыл. За забывчивость потребовали 180 долларов. Я хотела пробраться к Лёне и забрать чемоданчик, жалко было отдавать денежки ни за что — ни за жемчуг, ни за нефритовых драконов, но... толпа меня затиснула так, что я только пискнула об этом. Сразу же из очереди послышались реплики: А что ты думала! Нужно было самой идти! Рот не нужно разевать! Были и сочувственные предложения: «Нужно было распределить килограммы! Вот у меня лишних есть восемь!» Стою в этом коловращении, кто-то совсем обнаглел, стал драться, китаянка — с русским парнем, пытавшемся пробраться без очереди. Странно, ведь у всех есть билеты и до отлёта самолёта ещё много времени, но почему-то все в жутком возбуждении и ажиотаже. Аэропорт совсем новехонький и ещё не налажен подход к сдаче багажа, нет перегораживающих канатиков и нет наблюдающих за очередью. Багаж все привезли на новых тележках, которые двигаются только вперёд, по-китайски, они с тормозами и трудно откатываются, и брошенные, они перегораживают и мешают движению всей этой рвущейся в самолёт массы. Стою несколько расстроенная, и вдруг одна дама

в шикарной шубе громко на всю толпу восклицает: «Ну, блядь, где эти пингвины, чтоб тележки-то убрать! Они только едят да спят!»

Пингвины — это носильщики, они в красных шапочках. Узнаю своих: всех презираем, все хуже нас. Чучмеки, черномазые... до бесконечности награждаем мы эпитетами другие национальности. Выросли в интернациональном единстве пролетариата всех стран.

В Московском аэропорту, в таможене, смотрю: эту даму, не любящую пингвинов, таможенники довольно пристально стали теревить — требуют, чтоб она разорвала свой мешок-багаж, перевязанный клейкой лентой, (большинство российских пассажиров везли багаж в чёрных мусорных мешках, чтобы тара ничего не весила). Я спросила у молодого парня, подносившего наш багаж, что таможенники ищут у этой дамы? Наркотики? «Нет, они смотрят на качество шуб, которые она везёт. В Китае челноки покупают за копейки, а тут продают за тысячи!» Таможенники тем временем достали одну шубу и стали трясти, а дама, вся красная, нервная, приговаривала, что «шуба рвань, смотреть нечего». Я не знаю чем закончилась шубная история, думаю, что шубой — таможенникам.

Грустно от слов. Поразительно бессознательное презрение одних к другим. Мне показалось, что в Китае больше уважения к личности другого человека, чем у «старшего брата»: всё-таки влияние древней культуры себя оказывает.